

Сто ложек кофе

ДАРЬЯ КРУПКИНА

ТОТ, КТО ЗОВЕТ ТЕБЯ ОБРАТНО

В частной психиатрической клинике в пригороде Лондона находится пациент. Он никого не узнает и целыми днями неподвижно смотрит в стену. Иногда к нему приходит брат-близнец. Но оказывается, незадолго до того, как попасть в клинику, пациент наводил справки о таинственной Лиллиан.

Дарья Крупкина

Тот, кто зовет тебя обратно

Осенний дождь третий день равномерно барабанил по подоконнику, прибывая к нему желтые мокрые листья с соседних деревьев. Посмотрев в окно, Мари Хоггарт только покачала головой: в нынешнем году дождливая погода уж слишком затянулась, даже для лондонских пригородов.

Но чему удивляться, когда дождь перестанет, повалит мокрый снег — а там уж и до весны близко. Печалила только невозможность гулять во дворе, для многих пациентов это было бы полезно.

Мари вот уже почти год работала в психиатрической клинике Хартвуд Хилл. Хотя место располагалось в стороне от основных дорог, и приходилось ездить домой на автобусе, ей нравилась работа. Небольшое частное заведение с аккуратным беленым забором, во многих местах заросшим плющом — стоя снаружи и не скажешь, что внутри находится клиника.

Тем не менее, сейчас в стенах Хартвуд Хилла находилось несколько сотен пациентов. Большая часть из них располагала весьма состоятельными родственниками, поэтому внутри чистой и светлой клиники было не только современное

оборудование, но и конспирация не меньше, чем во многих шпионских фильмах. Мари любила подобный кинематограф. Поэтому, когда она заступала на смену и первым делом несколько раз прикладывала пропуск, а система безопасности ее узнавала, и загорался зеленый огонек, Мари на полном серьезе ощущала себя девушкой Бонда.

Впрочем, куда больше ее радовала благоустроенность клиники. На прошлом месте работы ей приходилось как медсестре заниматься довольно грязной работой, потому что не хватало рук. В Хартвуд Хилле такого не было. И она всегда знала, что помещения будут чисто убраны, а ей предоставят все необходимое в рамках ее обязанностей — и ничего сверх того.

Еще раз вздохнув, Мари наконец-то оторвалась от окна и повернулась к своему пациенту. Он сидел на стуле, безучастно уставившись в стену.

— Пора делать укол, — сказала Мари. — Надеюсь, вы не против?

Конечно же, он не мог быть против — но Мари все равно нравилось спрашивать. Как говорил ее жених Мартин, вежливость должна быть всегда. Пусть даже твой собеседник не может ответить.

Этот пациент Мари нравился. Он поступил пару недель назад, и Мари сразу обратила на него внимание. Красивый молодой мужчина, если б она

увидела такого на улице (и у нее не было Мартина, конечно же), то обязательно вздохнула бы о нем. Впрочем, сейчас привлекательное лицо казалось изможденным — но взгляд также был прикован к стене.

Таким его и привезли. Мари не видела сама, но Сьюзи рассказывала, а уж Сьюзи-то можно верить. Новый пациент садился, когда его сажали, вставал, когда его поднимали, ел, если его кормили. Но никак больше не реагировал на внешний мир. Он был здесь уже дней десять, но никаких улучшений не наблюдалось. Поэтому лечение продолжали, но доктор Стивенсон говорил, что это любопытный случай. А он всегда говорит так, когда не очень-то верит в выздоровление.

У пациента часто бывали посетители. Особенно хорошо Мари запомнила его брата — возможно, потому что они близнецы. Тот закрывался наедине с пациентом и курил — вообще-то в клинике запрещено курить, но как шепотом сказала Сьюзи, эти отстегивают такие суммы, что им бы позволили даже плясать канкан. Поэтому Мари смирилась и просто каждый раз открывала окна в палате после посещения брата.

Однажды она вернулась чуть раньше и застала его на корточках перед пациентом. Похоже, он пытался что-то ему говорить, но пациент не реагировал. И все-таки Мари невольно поежилась:

жутковатое зрелище, когда лица обоих близнецов смотрели друг на друга, а потом одно из них повернулось в сторону Мари. Второе, конечно же, осталось безучастным.

Но Мари навсегда запомнила то выражение боли и обреченности на лице брата. Он потом быстро ушел и с тех пор был всего раз или два.

— Тебе повезло, мой мальчик, — сказала Мари безучастному пациенту, — о тебе есть кому волноваться.

Она слышала, что родители братьев давно погибли — возможно, именно поэтому она чувствовала особую близость к этому пациенту. Ее собственные родители тоже погибли пару лет назад, вот только у нее-то не было ни братьев, ни сестер.

В очередной раз Мари подумала, что же привело этого явно не бедного привлекательного мужчину к тому состоянию, в котором он и оказался в Хартвуд Хилле. Но она снова и снова себя одергивала: это не ее дело. Она просто должна выполнять свою работу и только.

Наполнив шприц, Мари проверила его и перевернула руку пациента, чтобы сделать укол. Вены были плохо видны из-за вязи татуировок, покрывающих руку, но Мари хорошо знала свою работу.

Повесив плащ, Фэй несколько раз провела по нему ладонью, стряхивая капли воды. Потом проверила, заперла ли входную дверь. Посмотрела в полумраке на себя в зеркало.

На самом деле, Фэй попросту не хотела идти дальше в квартиру — ведь непременно пришлось бы пройти через гостиную. А сейчас она меньше всего хотела именно этого.

Потому что там, в комнате с затемненными окнами, обязательно сидит Фредерик. Возможно, он курит. Или наблюдает, как сквозняк шевелит занавески. После того, как уехал Винсент, он вообще никому не позволяет их трогать.

Вздыхнув, Фэй все-таки шагнула вперед и прошла в гостиную. Но к ее удивлению, застала там вовсе не Фредерика. На диване, выпрямив спину и сцепив руки, сидела Анабель.

Она повернула голову к Фэй:

— Как он?

— Ничего не изменилось, — пожала плечами Фэй и присела рядом.

— Я хочу его увидеть.

— Ты же знаешь, Фредерик тебе не позволит.

— Не собираюсь спрашивать его разрешения! Если Рик не хочет рассказывать, где эта клиника, мне расскажешь ты.

— Даже не проси. Я не пойду против

Фредерика.

Особенно сейчас, подумала Фэй. В последнее время Фредерик пугал ее до чертиков, и ей совершенно не хотелось оспаривать его решений. Кроме того, она и сама считала, что он прав: Анабель совершенно нечего делать в Хартвуд Хилле.

— Но он ведь и мой брат!

Фэй накрыла ее сжатые руки своей ладонью.

— Навестишь, когда ему станет лучше.

— А если не станет? — повернув голову, Анабель посмотрела прямо в глаза Фэй. — Если не станет?

— Не говори глупостей.

Выдернув ладони, Анабель вскочила и сложно было сказать, что ею владеет больше, гнев или негодование.

— Фредерик тоже так говорит: поедешь, когда станет лучше. Но я здесь уже пять дней, и ничего не меняется! Почему никто не хочет говорить этого вслух? Почему никто не хочет допускать мысли, что ничего не изменится? Почему, черт возьми, никто не хочет его даже по имени называть?

— А почему этого не делаешь ты?

— Потому... потому что пока я не увидела своими глазами, могу представить, что все не так плохо.

Анабель опустилась на прежнее место, но

теперь Фэй не стала ее трогать.

— Фредерик ведь даже не сообщил мне сразу, — горько сказала Анабель. — Почему он мне сразу не позвонил?

— Возможно, по тем же причинам: пока не сказал тебе вслух, это было не так плохо.

Последние несколько месяцев Анабель провела в Америке с Линдоном Кросби, взяв долгосрочный отпуск на работе и периодически присылая оттуда заметки для журнала. В какой-то момент оба брата перестали отвечать на письма, и Анабель начала в панике звонить домой.

Тогда она наткнулась на Офелию, которая и рассказала ей, что Винсент в клинике. Анабель прилетела на следующий же день, но Фредерик категорически запретил ей какое-либо посещение. И ничего не изменилось до сих пор: Анабель себе места не находила, но Фредерик оставался непреклонен.

— Почему он не писал мне? — спросила Анабель, и Фэй не сразу поняла, что речь совсем не о Фредерике. — Почему... почему Винсент ничего мне не рассказывал? Если все было так плохо, он же знал это, чувствовал. Почему не написал мне?

— Возможно, не хотел беспокоить. В последнее время его мучили кошмары.

— Снова. Кошмары, после которых он не мог спать.

— Именно так. Но не знала, что он не рассказал о них тебе.

— Он ничего мне не рассказал, — с горечью сказала Анабель. — Никто из братьев не считает нужным мне что-либо рассказывать.

— Они оберегают тебя.

— Даже когда совсем не стоит этого делать.

Анабель откинулась на спинку дивана и вздохнула. В полумраке комнаты, в темном платье, она казалась лицом во мраке, восставшим призраком, вернувшимся домой и внезапно понявшим, что за короткое время все успело изменится.

— Когда это началось? — спросила она.

— Вскоре после того, как он застрелил Анну. Точнее, я думаю, что примерно после того. Сначала я не понимала, что происходит, списывала многое на последствия его ранения. Потом начались кошмары.

— А теперь Фредерик упрятал его в психушку, и целыми днями Винсент бессмысленно пялится в стену, а я даже не могу его увидеть!

— Это была не идея Фредерика.

— Что?

— Винсент сам приезжал в эту клинику. На консультацию, как утверждают врачи.

— Почему же он не написал мне, — Анабель тряхнула головой. — Он узнает тебя?

Фэй с удивлением посмотрела на Анабель. Только теперь она, похоже, поняла, что Анабель действительно имеет весьма смутное представление. Или Фредерик действительно ничего ей не рассказывал? Неужели и Офелия тоже?

— Ани, он никого не узнает. Винсент действительно сидит целыми днями, уставившись в одну точку. И в его остановившемся взгляде нет никакого узнавания, когда я разговариваю с ним. Даже когда я смотрю ему в глаза. Они только, как и раньше, слезятся от яркого света — естественная реакция чувствительных глаз, напоминающая, что это все еще тот самый Винсент.

Обхватив себя руками, Анабель помотала головой, как будто пыталась отогнать от себя все слова, сказанные Фэй. Словно они могли облететь или растаять, став запутавшимися в волосах снежинками.

— Я займусь ужином, — сказала Фэй, поднимаясь. — Надеюсь, ты ко мне присоединишься.

Анабель продолжала сидеть в той же позе, но Фэй понимала, что ей нужно время — а потом ей придется принять общие правила игры, делать вид, что скоро все станет лучше. Иначе невозможно с этим справиться.

На кухне Фэй не торопясь достала овощи и

начала их резать. Яркий электрический свет почти резал глаза, и даже это отвлекало от кубиков перца и огурцов, напоминая, как тяжело бывало Винсенту на кухне. Но он настаивал на ярком свете, заявляя, что иначе тут просто невозможно находиться.

Внезапно Фэй услышала громкий хлопок входной двери. Нахмурившись, девушка, не выпуская из рук ножа, выглянула из кухни — но нет, никто не пришел. Тогда она вернулась в гостиную, и увидела, что та пуста. А вот сумочка Фэй, с которой она пришла, безжалостно выпотрошена на журнальный столик. На стеклянной поверхности блестели ключи, губная помада, какие-то мелочи. Но в стороне от остальных вещей лежала старомодная записная книжка. И Фэй сразу поняла, что искала и определенно нашла Анабель.

Адрес клиники Хартвуд Хилл.

Пожалуй, последнее место, где бы хотел оказаться Фредерик в принципе — это Хартвуд Хилл. Его раздражало в этом месте буквально все: само здание казалось слишком неказистым, забор — неуместно жизнерадостным, двери безудержно крепкими, а кусты подстрижены слишком аккуратно. Сегодня проходя мимо них, он умудрился задеть мокрые листья, и влага водопадом упала на брюки и залила ботинки. И без

того всегда перепачканные местной землей. В Хартвуд Хилле почему-то не были приняты мощеные дорожки, а Фредерик не мог избавиться от мысли, что поросшие кленами аллеи и тропинки больше всего напоминают кладбище.

Внутри клиника нравилась Уэйнфилду еще меньше. После угрюмого холла, где даже стертая на полу мозаика как бы говорила об оставленных надеждах, посетителей встречали светлые коридоры, с такими незаметными узорами на обоях, что те казались грязно белыми. И лампы. Как же Фредерик ненавидел лампы! Почему-то окна в коридорах Хартвуд Хилла встречались крайне редко (возможно, чтобы не нервировать зрелищем решеток на них?), но вот ламп было много. Ярких, не оставляющих теней, высветляющих все коридоры и, как казалось Фредерику, тихо и постоянно гудящих над головой.

Впрочем, даже он признавал, что клиника не лишена некоторой доли уюта — насколько это вообще здесь возможно.

Сейчас же Фредерик сидел в мягком кресле главного врача. Слегка потертом, по правде говоря, но мужчина подозревал, что это намеренный эффект, чтобы пришедшие люди чувствовали себя комфортнее.

Кабинет был сплошь торжеством дерева и хлопковых тканей. Массивный стол, тканевые обои,

а на стенах в аккуратных рамочках дипломы вперемешку с фотографиями лошадей — главной страстью главного врача. Помимо работы, конечно же.

Доктор Эдуард Стивенсон представлял собой аккуратного мужчину лет пятидесяти. Всегда в строгом костюме и с располагающим к себе взглядом, как будто обещавшим, что его обладатель будет слушать всю ночь напролет и сотрет все печали.

Встреть Фредерик доктора Стивенсона при других обстоятельствах, то возможно, даже проникся к нему симпатией. Но тот был частью Хартвуд Хилла, и Фредерик ненавидел и его. К тому же, доктор стоял на его пути к цели.

— Я уже не раз говорил вам, мистер Уэйнфилд, что ничем не могу помочь, — сидя за столом в своем огромном кресле, доктор Стивенсон виновато развел руками, как будто действительно сожалел.

— А я уже не раз говорил вам, что вы расскажете то, что я прошу.

— Боюсь, это невозможно, мистер Уэйнфилд. Конфиденциальная информация.

— Мой брат сейчас у вас. И любая информация касательно него не может быть конфиденциальной. Не для меня.

Доктор снова развел руками, будто бы говоря:

таковы правила и не мне их нарушать. Но Фредерик знал, что это ложь. И знал, что в любом случае добьется своего.

Он не торопясь поднялся со своего места напротив стола Стивенсона, где и сам начинал ощущать себя пациентом, и подошел к стене, разглядывая дипломы и фото лошадей. Сейчас Фредерик уже не находил ничего странного в увлечении доктора, но поначалу подобное хобби казалось весьма эксцентричным.

— Доктор Стивенсон, — сказал Фредерик, не поворачиваясь к собеседнику, — я знаю, что мой брат был у вас незадолго... незадолго до того, как вернулся и остался. Я всего лишь хочу знать, с какой целью он навестил Хартвуд Хилл в первый раз.

— Я уже говорил вам, мистер Уэйнфилд. Ваш брат приезжал ради консультации.

— При всем уважении, доктор Стивенсон, Хартвуд Хилл не самая известная клиника. Расположенная за городом, в стороне от основных дорог. Сюда приезжают только специально и только с определенной целью. Вы не трубите о себе рекламу на каждом углу Лондона.

— Возможно, вашему брату требовалась вполне определенная клиника.

Фредерик резко повернулся и буквально в два шага преодолел расстояние до стола доктора.

Упершись руками в столешницу, он ощутил под ладонями шероховатую поверхность дерева, но в упор смотрел на доктора.

— Я хочу знать, что ему было нужно.

Но доктор оказался крепким орешком. Он спокойно выдержал взгляд Фредерика и только вздохнул.

— Мистер Уэйнфилд... я могу называть вас Фредериком?

— Нет.

— Как пожелаете, мистер Уэйнфилд. Я уже не раз говорил вам и повторяюсь: содержание моих бесед с гостями клиники строго конфиденциально — в том числе и с вами, кстати говоря. Тем более, это не имеет никакого отношения к истории болезни вашего брата.

— Позвольте мне решать самому.

— Увы, мистер Уэйнфилд...

— Хорошо, — внезапно согласился Фредерик. Он выпрямился, как будто собрался уходить. — Тогда я забираю отсюда брата. Кроме того, я попросил своих финансистов проверить Хартвуд Хилл, и они, кажется, нашли некоторые несоответствия. Весьма прискорбно.

Доктор Стивенсон сжал зубы, и его напускная доброжелательность вмиг слетела, обнажив откровенную злобу. Но он тут же взял себя в руки.

— В этом нет нужды, мистер Уэйнфилд.

Возможно, вы правы и имеете полное право знать, с какой целью ваш брат посещал Хартвуд Хилл в первый раз. Но повторюсь, это не имеет отношения к его состоянию.

— Я слушаю, — сказал Фредерик. Но садиться обратно не стал.

— Винсент Уэйнфилд наводил справки об одном из бывших пациентов Хартвуд Хилла.

— О ком же?

— Лиллиан. Лиллиан Уэйнфилд.

Брови Фредерика удивленно взлетели вверх. Он не слышал этого имени уже очень и очень давно. И не мог представить, зачем эта женщина понадобилась Винсенту.

— Сколько она здесь пробыла?

— Этот вопрос задавал и ваш брат. Около восьми лет, насколько я помню.

— И кто платил за ее содержание?

— Ваш отец, Леонард Уэйнфилд.

Фредерик был готов поклясться, что даже знает, когда именно прекратилась оплата — лет десять назад, когда Леонард и Мадлен Уэйнфилд погибли в автокатастрофе. Что ж, папочка до сих пор способен преподнести сюрпризы. Даже из могилы.

— Это все, доктор Стивенсон?

— Все. И ровно то же самое, что я говорил вашему брату.

Хотел бы Фредерик знать, с чего Винсент вспомнил о Лиллиан, и откуда узнал о Хартвуд Хилле. Впрочем, второе было не удивительно — Винсент умел доставать информацию, когда того хотел.

В дверь решительно постучали и, не дождавшись, приглашения, распахнули. На пороге стояла секретарша доктора Стивенсона, как всегда, собранная и серьезная.

— Доктор, я считаю нужным сообщить, — женщина сделала паузу и скользнула взглядом по Фредерику, — вам, мистер Уэйнфилд, тоже будет интересно. Прибыла посетительница, которая называет себя вашей сестрой.

— Анабель? — удивился Фредерик. — Что она тут делает?

— Говорит, что пришла к брату. Она сейчас у него.

Не дослушав, Фредерик молча прошел мимо секретарши. Дорогу к нужной комнате он помнил хорошо.

Винсент лежал поперек кровати на спине, свесив голову вниз. Вообще-то было адски не удобно, но он находил в этом особую прелесть. Он курил, выпуская едкий дым и слушая меланхоличную мелодию

музыки. Она была гипнотически успокаивающей, под такую можно медитировать или совершать кровавые обряды во имя неведомых богов.

Впервые он услышал ее в заставке сериала про викингов. Винсент хорошо помнил тот день: вместе с Фредериком они ехали в колледж к Анабель. Дорога оказалась длинной, Фредерик сам вызвался везти, а Винсент сначала закурил, но Фредерик шикнул, чтобы тот не дымил в машине. В итоге, Винсент переместился на заднее сидение, где раскрыл окно, закурил и расположился едва ли не лежа с планшетом.

Тогда-то, на пути из Лондона, он и посмотрел первые серии, а музыка его заворожила, так что он быстро отыскал ее оригинал и закинул в свой плейлист.

Теперь он лежал в собственной комнате, но почему-то вспоминал именно тот день. Те тяжелые свинцовые тучи, прохладный воздух сквозь открытое окно, ворчание Фредерика и обволакивающую музыку.

Сейчас у него было ощущение, будто он собирается на полном ходу выскочить из этой машины, ничего не говоря Фредерику, и сбежать от него как можно дальше. Он даже не знал, что казалось более невыносимым, выпрыгивать из машины или сбежать от Фредерика.

Но ему придется сделать и то, и другое.

Перевернувшись на живот, Винсент дотянулся до стоявшей на полу пепельницы и потушил сигарету. Рядом валялся наполовину пустой пузырек со снотворным.

Это никогда не закончится, потому что я хочу большего.

Больше, дай мне больше, дай мне больше.

Стоя у Хартвуд Хилла, Офелия вовсе не находила клинику такой ужасной, какой она виделась Фредерику. Правда, девушке тоже не нравились аллеи с кленами, но по иным причинам — они напоминали ей детство и не слишком приятные воспоминания о том, как она сбегала к деревьям, когда не понимала, о чем общаться со сверстниками в школе.

В остальном же Офелия находила Хартвуд

Хилл довольно уютным и милым. Как будто отгородившимся от остального мира высоким забором, поросшим плющом. И Офелии нравились тишина и умиротворенное спокойствие — впрочем, внутрь она редко заходила. В стенах самой клиники тишина странным образом перевоплощалась в уныние, а этого добра Офелии хватало и дома.

Она вытащила из кармана тонкие перчатки и натянула их на руки. Даже в теплом осеннем пальто ей становилось прохладно. Но идти в машину не хотелось, она предпочитала ждать Фредерика прямо тут, у колких кустов жимолости, которые тот так ненавидел.

Но Офелия хорошо понимала, что Фредерик с той же энергией ненавидел бы любое место, где оказался его брат при подобных обстоятельствах.

Рукой в перчатке Офелия прошлась по острым веточкам, наблюдая, как с них сыплются капли влаги. Ее вода не пугала — как не пугал и Фредерик, хотя она знала, Фэй в последнее время старается как можно реже оставаться с ним наедине. Но Фэй вообще старалась сейчас с кем угодно как можно меньше оставаться наедине — она не была готова к длинным разговорам. По правде говоря, Офелия и сама совершенно не знала, что сказать.

Фредерик вышел из здания Хартвуд Хилла вместе с Анабель. Конечно же, Офелия ее видела,

но останавливать не стала. И даже подсказала, где именно находится Винсент — она была там однажды. Поэтому хорошо могла представить его реакцию на сестру — точнее, отсутствие этой реакции.

Поэтому Офелия ничуть не удивилась, увидев явно притихшую и подавленную Анабель — та шагала, смотря себе под ноги и легонько подталкиваемая братом. Она направилась к машине Фредерика, а тот подошел к Офелии, спрятав руки в карманы.

— Почему ты ее не остановила?

— Потому что не одобряю твоего решения держать ее в стороне. Она давно не маленькая.

— Ну, теперь она увидела, — Фредерик даже не обернулся на Анабель, но явно думал только о ней.

— Я так понимаю, эффект это возымело только над самой Анабель?

— Да.

Офелия вздохнула. Она действительно не одобряла стремление Фредерика оградить Анабель от всего на свете, в том числе и самой жизни — это уже не приводило ни к чему хорошему и вряд ли могло привести. Но в глубине души надеялась, что ее визит к брату сдвинет что-то с мертвой точки.

— Теперь к Винсенту не будут никого пускать без моего разрешения, — сказал Фредерик.

— Ты еще вооруженную охрану вокруг него поставь. И ток пусти по колючей проволоке.

— Так бы и сделал, если это помогло.

— Ты всегда хотел защитить Анабель от мира вокруг, а Винсента от него самого. Только никогда не сможешь. А теперь ему вообще абсолютно плевать, что его окружает. Это волнует только тебя.

Это было жестоко, и Офелия сразу поняла, что переборщила — увидела по лицу Фредерика. Но в то же время знала, что права, а смягчать пилюли она никогда не умела. Поэтому в последнее время не знала, что сказать Фэй, а с Фредериком предпочитала молчать.

Неожиданно тот пожал плечами:

— Ты права.

Он вытащил руку из кармана и потеревил веточки кустов, где еще остались капли воды — они веером упали вниз. И почти одновременно с этим дождь закапал и сверху, будто Фредерик стряхнул одновременно и небесные кусты.

— Ты пугаешь мою сестру в последнее время.

— Правда? Почему же?

— Ты стал больше похож на Винсента — также готов идти до конца, чего бы это не стоило.

Фредерик невольно улыбнулся. Но потом снова стал серьезным.

— Я знал, что у него проблемы. Видел, что он стал много спать, но ему снились кошмары. Видел

появившиеся таблетки. Но я не понимал, что все так серьезно.

— Не вини себя.

— Я не смог понять, что ему нужна моя помощь. Может быть, просто думал, что, если игнорировать проблему, она исчезнет. Меньше всего мне хотелось возвращаться к призракам и голосам.

Офелия аккуратно взяла руку Фредерику, мокрую от дождевых капель, и сомкнула на ней свои маленькие ладони в перчатках.

— Это ваша общая проблема — вы совершенно не умеете просить помощи. Пока все не заходит слишком далеко.

— Думаешь, уже зашло?

— Куда уж дальше. Но... я по-прежнему нахожу все немного странным.

— Станным?

Офелия пожала плечами:

— Почему Винсент ничего тебе не говорил? Вообще ничего. И ты уж прости, но твой брат никак не походит на хрупкий цветочек. Так что же произошло, что в итоге, он оказался здесь?

— Я не знаю, — пожал плечами Фредерик, — по правде говоря, не имею ни малейшего представления. Этот доктор Стивенсон рассказал, что в первый раз Винсент приезжал в Хартвуд Хилл вовсе не за «консультацией», как рассказывал, а

наводить справки.

— О ком?

От Офелии не укрылся быстрый взгляд, который Фредерик кинул в сторону машины, где сидела Анабель. Похоже, он не хотел говорить при сестре, поэтому все еще стоял под начинавшимся дождем.

— О некоей Лиллиан Уэйнфилд.

— Это ваша родственница?

— Дальняя. Никто о ней давно не вспоминал, и я даже не представляю, зачем она могла понадобиться Винсенту.

— Однажды сам у него спросишь.

Фредерик кивнул. Его волосы уже начинали мокнуть под дождем, да и сама Офелия чувствовала себя не уютно. Но ей не хотелось прерывать или торопить Фредерика — он все расскажет тогда, когда посчитает нужным, и если этот момент сейчас, то она выслушает.

Рука Фредерика в ладонях Офелии повернулась и аккуратно взяла девушку за руку.

— Спасибо, что едешь со мной.

Девушка пожала плечами. Как могло быть иначе.

— А теперь поехали домой.

И они направились к машине Фредерика, где за подернутым дождем стеклом виднелся силуэт сидящей внутри Анабель. Она не потрудилась

очистить стекла.

Офелия только раз украдкой взглянула на серую громаду Хартвуд Хилла. Интересно, сколько тайн хранят его унылые стены? Она никогда не говорила Фредерику, на сколько в действительно считала происходящее странным.

2

Ночью в Хартвуд Хилле царили тишина и темнота — за исключением нескольких комнат, где оставались дежурные врачи. Но место было тихим, и дежурные обычно маялись со скуки, перечитывая очередной бульварный роман или смотря по телевизору ночной канал.

Во тьме и тишине пребывал кабинет главного врача. Сейчас мрак скрадывал массивный стол доктора Стивенсона и фотографии лошадей по стенам. Тот же сумрак окутывал коридоры с теперь выключенными лампами, процедурные и запертые помещения, где хранили лекарства.

Во тьме и тишине пребывала и комната Винсента. Только не он сам.

Сев на кровати, он помотал головой, пытаясь разогнать туман — с каждым днем это выходило все сложнее. Сегодня потребовалось куда больше времени, чтобы собрать воедино разрозненные мысли в голове и понять, кто он, где он и зачем это

все.

Поднявшись с постели, Винсент покачнулся, с трудом удержавшись на ногах. И с внезапной ясностью понял, что еще немного — и он точно станет психом, не отличающим, где реальность, а где мутный сон без сновидений.

Хотя в первые дни Винсент был даже рад. Те лекарства, которые ему кололи, действительно были способны отогнать всех демонов — и мозги тоже. Ему больше не снились кошмары, но и он сам перестал что-либо ощущать, а мысли напоминали неповоротливых жирных мух. И дни проходили, завернутые в плотный слой вязкого целлофана, не пропускающего внешний мир. Как будто он уже лежал в мешке для трупов, но при этом еще дышал.

Поэтому притворяться Винсенту было легко — пожалуй, даже слишком. И временами, когда он осознавал, что на полном серьезе не может вспомнить, что происходило днем, по спине пробегал холодок.

Хуже всего, конечно, бывало, когда приходили Фредерик или Фэй. Врать им оказалось чертовски тяжело, куда тяжелее, чем думал Винсент. Сколько раз он порывался смахнуть с лица маску и рассказать им все. Но ни один из них точно не одобрит его безумных планов. А другого варианта добраться до того, что ему нужно, он не знал. Винсент не видел смысла отмахиваться от

демонов и предпочитал использовать любые средства, если в итоге, это поможет в борьбе с ними. Даже если потом придется пожалеть.

Но Винсент не думал, что Анабель придет так быстро. И сегодня его маска как никогда оказалась близка к провалу. Он даже подозревал, что спасли только вколотые лекарства, которые и без того делали его реакции замедленными. Интересно, а как они на самом деле должны действовать?

Комнату Винсента не запирали — не было нужды. Поэтому он легко из нее выскользнул. То есть он осознавал, что достаточно неповоротлив, а в голове мутно, но знал, что его никто не заметит. Не замечали же все предыдущие ночи.

С первого дня Винсент понял, что идея препаршивая — но отступать было поздно.

Гладкий пол под босыми ногами казался ужасно холодным. Зато ориентироваться в темноте куда приятнее, чем видеть дурацкие лампы. Вот уж что Винсент ненавидел в Хартвуд Хилле больше всего, так это лампы! Они буквально выжигали его глаза, и он готов сидеть в комнате хоть вечность, лишь бы не видеть их света.

В тишине клиники Винсент довольно быстро добрался до места назначения, привычно ведя рукой по стене. Это помогало ориентироваться, он хорошо помнил план здания, да к тому же

позволяло не упасть.

Архив Хартвуд Хилла странным образом находился вовсе не в административной части здания, а в той, что примыкала к палатам пациентов. Именно это стало основной причиной, почему Винсент решился на свой план — иначе никогда бы ему не попасть к пыльным папкам. Доктор Стивенсон скорее бы уничтожил то, что нужно Винсенту, нежели позволил ему взглянуть. И даже копаясь в делах каждую ночь, Винсент так и не понял, что же такого секретного там находилось.

Дверь архива тоже не запирали. Включать свет Винсент никогда бы не рискнул, но еще в первую ночь стащил фонарик у одного из спящих дежурных и надежно спрятал под шкаф.

Присев, Винсент пошарил под металлическим стеллажом, и наконец, его рука сомкнулась вокруг фонарика. Он включил его и поднялся, но при этом голова так закружилась, что он с трудом восстановил равновесие.

Нахмурившись, он подумал, что настал черед посмотреть кое-что другое.

Старые дела содержались в архиве в продуманном беспорядке, так что Винсент далеко не сразу нашел досье Лиллиан Уэйнфилд, а когда нашел, то несколько ночей изучал пухлую папку. Сегодня он хотел покончить с этим, но ему пришла в голову другая мысль.

Вместо архива, Винсент подошел к столу, где стоял ящик с самыми последними делами. Зажав в зубах фонарик, он начал листать тонкие папки, пока не нашел ту, на которой значилось «Винсент Уэйнфилд».

Усевшись на пол, Винсент раскрыл тонкие шуршащие листы. Перехватив фонарик в правую руку, Винсент углубился в чтение, переворачивая страницы. И чем дальше он читал, тем выше взлетали его брови.

Даже со своими скудными познаниями в лекарствах (кое-что он все-таки изучил, прежде чем ломиться в Хартвуд Хилл), Винсент мог понять, что с тем набором, который ему кололи, удивительно, как он действительно не превратился в овощ. Как будто он был бурным сумасшедшим, которого требовалось держать в смиренной рубашке.

И еще кое-что интересное: рукописные записи в его деле сделаны той же рукой, что и в деле Лиллиан. Доктор Эдуард Стивенсон.

Мари Хоггарт полагала, что день можно назвать чудесным. Небо грозило пролиться новым дождем, но так и не разразилось. По крайней мере, не в то время, когда Мари быстрыми шагами преодолевала расстояние от автобусной остановки до Хартвуд Хилла.

Приложив карточку, она торопливо зашла

внутри, когда замок щелкнул. Уже собирались сумерки — сегодня Мари работала в вечернюю смену. А после ее заберет Мартин на машине, и все выходные она проведет у него. Мари откровенно предвкушала этот момент, поэтому сегодня оказалась достаточно рассеянна.

Впрочем, ничто не мешало ей исполнять свои обязанности. И сегодня она с особенной теплотой относилась ко всем пациентам.

В комнате молодого мужчины с татуировками оказались занавешены окна, и Мари их тут же раскрыла. На улице сгущались сумерки, и ей показалось, ему будет приятно увидеть что-то, помимо обычных стен.

— Сегодня просто чудесный день! — заявила она, буквально порхая от окна к столику, где набрала в шприц заранее подготовленное доктором лекарство. — На улице, правда, собирается дождь, но кого сейчас можно удивить дождем? А потом я отправлюсь к своему жениху. Мне кажется, вы бы с ним обязательно подружились — правда, если вы не очень уж похожи на брата. Мартин куда чаще улыбается и не прочь пошутить. То есть, конечно, внешне вы один в один как брат, но я про другое. И...

Внезапно на запястье Мари сомкнулась рука, не позволяя ей сделать привычный укол. И она с удивлением увидела, что взгляд пациента очень

даже осмыслен. И сейчас он в упор смотрел на нее.

— Ты должна помочь мне выбраться отсюда, — хрипло сказал он.

— Что? — ахнула Мари. — Вам лучше? Я должна сообщить доктору. И если он сочтет...

— Ни в коем случае. Никакого доктора. Боюсь, он меня так просто не выпустит.

Мари попыталась мягко освободить руку, но бывший пациент держал крепко.

— Просто помоги мне отсюда выбраться.

— Может, позвонить вашему брату?

— Нет. Он и так меня убьет.

— Но я не могу...

— Простой дай свою карточку и время уйти.

— Но не в таком же виде вам на улицу!

— Помоги мне... пожалуйста.

Было что-то в его голосе такое, что убедило Мари лучше всяких угроз. Он действительно выглядел как человек, которому нужна помощь, но отнюдь не врачей.

По правде говоря, Мари сомневалась, что пациент далеко уйдет — скорее всего, это временное прояснение. Или он наткнется на кого-то из персонала.

Именно так она себя и успокаивала, снимая с шеи шнурок с карточкой.

Мари еще не знала, что спустя пару мгновений ей придется рассказать, какие из

таблеток на столике с колесиками, с которым она шла на обход, снотворное. И испытать его действие на себе, пока пациент попытается покинуть Хартвуд Хилл.

В последнее время Фредерик редко куда-то ходил, но в нынешний пятничный вечер не поехал домой. Вместо этого задержался допоздна в издательстве, спрятавшись ото всех в зале совещаний и медленно наблюдая через огромные панорамные окна, как скапливался сумрак.

На собраниях собиралось много народу, но в остальное время просторный зал, наполненный пластиковыми стульями и большим столом, был оставлен и пуст. Вечерами Фредерик и Винсент частенько тут задерживались: когда исчезал яркий свет и можно сидеть, чтобы никто не беспокоил.

Сегодня Фредерик один в зале. Он пил совершенно не романтичный кофе из пластикового стаканчика и наблюдал, как медленно начинают гореть огни за окном. Он не думал ни о чем конкретном, просто позволяя мыслям скользить сквозь себя, наблюдая за ними, но не задерживая.

Тишину зала нарушала только негромкая музыка из стоящего у стены проигрывателя. Его предложила одна из сотрудниц, вечно стесняющая и краснеющая девушка. Она высказывала дельные мысли да и специалистом была хорошим, особенно

если ей удавалось преодолеть вечное смущение. Фредерик не помнил, как ее звали — она работала с Винсентом, и он почему-то считал своим долго ее ненавязчиво поддерживать. По крайней мере, в тех вещах, которые действительно в тему. И с удивлением Фредерик замечал, что девушка становится все смелее, а ее рабочие идеи явно хороши.

Музыка не относилась к рабочим вещам, но тут девушку поддержал сам Фредерик. Отчасти потому что считал, иногда ненавязчивая мелодия куда лучше настраивает на рабочий лад. Отчасти потому что прикинул, что чаще всего включать проигрыватель здесь будет он сам.

Кофе закончился, и Фредерик достал карты Таро и сигареты. Закурив, он выпустил в потолок струйку дыма под ненавязчивую музыку и голос Мэнсона. Когда Анабель впервые узнала, что Фредерик любит его слушать, то удивилась — в отличие от Винсента. Но Анабель вообще никогда не любила музыку.

Зажав сигарету в зубах, Фредерик перетасовал колоду и наугад вытащил карту. На ней оказалось изображение горящей башни с падающими людьми. Он невольно вздрогнул, потому что вспомнил фразу давно мертвого друга, которую тот даже написал над дверью в их загородном доме: твоя Башня рухнет, когда тебя будет соблазнять Дьявол.

Но Лукас давно мертв, а в Доме стоит еще разок покрасить стены.

Фредерик собрал карты и затушил едва начатую сигарету в пепельнице. Почему-то ее вкус сегодня показался особенно отвратительным.

Здание издательства уже утонуло в тенях: в пятницу вечером сотрудники давно разошлись, и Фредерик был едва ли не единственным человеком в полупустых коридорах. На ходу он написал сообщение Офелии, что сегодня вернется поздно, и спустился в гараж. Ему казалось, что шаги звучат оглушительно.

К неприметной двери в одном из районов Лондона Фредерик подъехал как раз в тот момент, когда все-таки начался дождь. Подняв воротник, Фредерик выскочил из машины и постарался как можно быстрее добраться до нужной двери — теперь она хотя бы обзавелась неброской вывеской «Салон мадам Ламбер».

Привычно звякнул колокольчик над головой, а внутри царило тепло и мягкий полумрак, разгоняемый то ли электрическими фонариками, то ли свечами. Заметив другого покупателя, Фредерик не торопился проходить внутрь и опустил воротник пальто, стряхивая капли воды. Похоже, возвращаться тоже придется под дождем.

Салон принадлежал Шарлотте Ламбер, давней знакомой Фредерика. Она сама занималась всеми

делами и сейчас упаковывала что-то для покупателя в небольшой пакет из крафтовой бумаги. Он приятно шуршал, и Фредерик занялся своим излюбленным занятием: стараясь не привлекать внимания и делая вид, что он рассматривает свешивающиеся с потолка пучки трав, пытался угадать, что же в пакете, который сейчас пробивается на кассе? Карты Таро? Хрустальный шар? Свечи? Или амулет в подарок подруге?

Мадам Ламбер кивнула ему, когда заметила, но сейчас ее внимание занимала негромкая беседа с покупателем, при которой она ловка заворачивала пакет.

— Здравствуй, Фредерик.

Из внутренних помещений салона, звякнув занавеской из деревянных нитей, появилась еще одна женщина с собранными рыжими волосами. Фредерик сразу узнал Морган и кивнул ей:

— Здравствуй.

— Ты к мадам? Проходи, подождешь внутри.

Вторая комната салона представляла собой то ли большую кухню, то ли маленькую гостиную. По крайней мере, тут располагался и стол, и чайник. Морган налила Фредерику чая, пахнущего корицей, но сама с ним не осталась, извинившись, и скрывшись где-то во внутренних помещениях.

Фредерик не возражал и устроился на неудобном стуле с чашкой чая. Когда-то Морган

была его женщиной, но в итоге, они расстались, и она стала учиться у мадам Ламбер. Похоже, ее обучение еще продолжалось.

С интересом Фредерик разглядывал развешенные по стенам картины, которые представляли собой причудливую смесь каких-то древних языческих богов и христианских икон, которым Уэйнфилд всегда удивлялся. Хотя насколько он помнил, предки мадам Ламбер тоже были выходцами из весьма причудливых мест. И хотя она предпочитала раскладывать карты и общаться с духами, он бы не удивился, обнаружив за сахарницей куклу вуду.

Звякнул колокольчик, возвещая о том, что покупатель покинул салон, а вскоре появилась и сама мадам Ламбер. Она молча налила уже остывшего чая и уселась напротив Фредерика.

— Давно тебя не видно.

— Не так уж и давно. Все относительно.

— Как скажешь, Фредерик. Я могу чем-то помочь?

— Ммм. На самом деле, вряд ли. Хотя возможно, недавно ты видела Винсента?

— С чего бы?

— Ты наш привычный проводник к миру духов и призраков. К кому как не к тебе пойти при появлении демонов.

Мадам Ламбер улыбнулась, но Фредерик не

мог понять, то ли с грустью, то ли с радостью.

— Мой дорогой, это ты надирался абсента и курил опиум в задних комнатах. Твой брат приходил сюда, потому что это нравилось тебе и Анабель.

— Лучше б приходил к тебе за советом о призраках.

— Он их никогда не боялся — в отличие от тебя.

— Что за намеки?

— Мы достаточно давно знакомы, чтобы я знала, что это правда, а ты на нее не обижался.

Фредерик вздохнул, признавая правоту мадам. По правде говоря, он только теперь понял, что именно за подобными разговорами и пришел сегодня.

Безусловно, мадам была в курсе того, где сейчас Винсент, и определенно боялась, что Фредерик начнет спрашивать об этом. Но на самом деле, у него были иные вопросы — хотя он не мог скрыть разочарования, что Винсента тут не было. Он надеялся на обратное.

— Давно хотел спросить, что значит, если постоянно снится один и тот же сон?

— Значит, подсознание пытается о чем-то докричаться.

— А если повторяющийся сон снится нескольким людям одновременно?

Мадам приподняла бровь, а потом отпила немного чая. Травяного и остро пахнущего, как и всегда. Она как будто тянула время, но наконец, сказала:

— Если это ты и твой брат, то может значит все, что угодно. Что за сон?

Фредерик пожал плечами. Он уже пожалел, что вообще завел разговор о снах. Эта тема, конечно, позволяла не думать о других — но Фредерик не был уверен, что стоит на ней сосредотачиваться.

Тем не менее, сам ее начал.

— Да ничего особенного, на самом деле. Просто нам с братом периодически снится одинаковый сон о смерти родителей — о том, что мать решила, будто увидела какие-то огни и решила свернуть туда. Что окончилось аварией и смертью обоих.

— Я знала Мадлен Уэйнфилд, и могу сказать, что сон похож на правду. Надеюсь, это не обижает тебя.

— Нет, родители были от нас далеки.

— В конце жизни Мадлен стала совсем безумной, как ни прискорбно...

— Да уж, — пробормотал Фредерик.

Он торопливо спрятался за чашкой с чаем, потому что слишком не кстати в памяти всплыла Лиллиан Уэйнфилд. Забавно, он ведь так толком и

не успел ничего узнать о ней у доктора Стивенсона. И хотя не понимал, зачем Винсенту могла понадобиться давно забытая родственница, обилие упоминаний о безумии его немного нервировало.

— В последнее время мне часто снится другой сон, — сказал Фредерик. — Я в каком-то темном пустом доме. Он походит на заброшенный отель. То есть как будто он оставлен не так уж давно, но внутри никого нет. Только тени. И я что-то ищу в этом доме. Хожу из комнаты в комнату. Но на самом деле, не знаю, в поисках чего именно, поэтому никогда не могу найти.

— Это кошмар?

— Не то чтобы. Но я не знаю, что должен отыскать, и это немного пугает.

— А твой брат видит такой же сон?

Фредерик внезапно понял, что понятия не имеет. И хотя он знает, что кошмары Винсента вернулись, но не представляет, что тот в них видит.

— По правде говоря, — в растерянности сказал Фредерик, — я не знаю.

Когда ночью кто-то стучится в вашу дверь, это всегда вызывает растерянность. Особенно если никого не ждать.

Но совсем не таковым был Винни. Выглядевший как вышибала из ночного клуба, на самом деле, он работал поваром и был в курсе всех

городских новостей, как законных, так и не очень. За последними к нему приходили особенно часто.

Поэтому, когда после полуночи раздался стук в дверь, жена посмотрела на него встревоженно, но сам Винни оставался спокоен. Он жестом показал, что Марисса может продолжать мыть посуду, а он сам откроет дверь.

Дом Винни был его гордостью. Большой, отдельный и доведенный до ума его собственными руками. Дом стоял на окраине города, но это устраивало и Винни, и его жену, которые оба любили спокойствие и уединенность.

Винни помогал жене с посудой, поэтому на ходу вытер руки и полотенце и кинул его на маленький столик в прихожей. А потом, не колеблясь, открыл дверь.

На улице лил дождь и давно, поэтому Винни не сразу узнал стоящего на пороге человека. Тот явно насквозь промок и замерз. Но даже не смотря на странную одежду, больше всего похожую на больничную, Винни узнал Винсента Уэйнфилда.

Обхватив себя руками, он явно хотел что-то сказать, но так дрожал, что едва мог выговорить хоть слово. Винни провел гостя в прихожую и проворчал:

— Хорошо, мы еще спать не легли.

Из комнаты с опаской высунулась Марисса и ахнула, всплеснув руками. Она явно узнала гостя

быстрее мужа.

— Винсент! Да ты весь промок!

Марисса грозно посмотрела на мужа. И хотя она казалась особенно миниатюрной рядом с таким верзилой, Винни всегда к ней прислушивался.

— Отведи его наверх, в душ, — приказала она мужу, — И дай что-нибудь из сухой одежды. А я сделаю горячий чай.

Конечно же, Марисса была из тех, кто готовит не только чай, но вместе с ним и суп, а в холодильнике находится «завалывшийся» кусок пирога. Винсент принял все это с благодарностью, правда, от согревающего алкоголя отказался.

— Вообще-то я мечтаю о стаканчике виски, но не уверен, что он будет нормально реагировать с той дрянью, что еще во мне.

Винни не стал спрашивать. Только когда Марисса усадила Винсента в кресло, притащила теплый плед и чай, Винни спросил:

— Ты что же, шел сюда пешком? Откуда?

— Издалека. Спасибо за все.

— Ну, если у тебя на хвосте нет жаждущих мести наркоторговцев, то все в порядке.

Винсент рассмеялся, а потом закашлялся.

— Нет, конечно, — ответил он, наконец, откинувшись на спинку кресла. — Это больше по твоей части.

— Позвонить Фредерику?

— Нет. Не надо никому звонить. Я пока не готов. Мне просто надо выспаться... и тогда, на свежую голову... утром...

Судя по стоящим на столике часам, он проспал часов двенадцать, не меньше. Винсент до сих пор ощущал себя разбитым и как будто не до конца согревшимся, но куда лучше, чем накануне.

Он смутно помнил, как начал засыпать прямо в кресле, под теплым пледом Мариссы, и почти не помнил, как Винни все-таки привел его в комнату наверху, где уже была приготовлена постель. И это была первая ночь за долгое время, когда ему не снились кошмары, а вокруг не стояли тени психушки.

Одежда, конечно же, оказалась велика Винсенту, но он был в любом случае благодарен за нее. Правда, это вернуло его к необходимости добраться до своей — и дать знать, где он.

Со вздохом Винсент взял телефонную трубку и долго сосредоточенно вспоминал. Сходу он мог назвать только номер Фредерика, но звонить сразу ему не рискнул бы. Он вообще не представлял, как на все происходящееотреагирует брат — но у того определенно будут причины злиться.

Номер Винсент все-таки вспомнил и, как ему показалось, позвонил самому «безопасному», кому только мог — Офелии. Она выслушала спокойно, а

ПОТОМ ВЗДОХНУЛА:

— И чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты привезла кое-какие вещи из дома.

— Потому что сам ты не хочешь показываться на глаза Фредерику, потому что врал ему? Но ты же понимаешь, что сейчас повесишь трубку, и я все равно ему все расскажу?

— Надеялся, вдруг нет.

— Ну-ну.

— На самом деле, да, я понимаю, но с Фредериком предпочел бы поговорить с глазу на глаз. Просто скажи ему, что я сейчас у Винни.

На том конце трубки что-то зашуршало, и Винсент на миг испугался, что Офелия попросту передает ее Фредерику. Но оказалось, она всего лишь искала листок бумаги и ручку.

— Говори, как до тебя добраться.

После того, как Винсент продиктовал адрес, он спустился вниз, где Марисса уже вовсю хлопотала на кухне, и пахло чем-то вкусным. В доме оказалось непривычно много света, так что глаза Винсента сразу заболели и начали слезиться, но он постарался не обращать внимания.

— Доброе утро, — поздоровалась Марисса. — Ты любишь оладьи?

— С детства их не ел, — признался Винсент, усаживаясь за стол.

— Значит, самое время попробовать. Варенье клубничное или вишневое?

— Вишневое. А где Пэм?

— В колледже, конечно же.

— Хочешь сказать, она уже совершеннолетняя и ей все можно?

— Даже не вздумай!

Марисса погрозила Винсенту лопаткой, после чего ловко перевернула последние оладьи. Она поставила перед гостем тарелку и маленькую фарфоровую вазочку в цветочек, наполненную густым вареньем.

— Спасибо, Марисса. Не только за это, просто... за все.

— Да ладно, Винс, — отмахнулась Марисса. — Я знаю, ты бы сделал для Винни то же самое.

— Ну, вряд ли... готовлю я паршиво.

Винсент как раз хотел поинтересоваться, где сам Винни, когда тот спустился. Похоже, он еще спал, и Винсент понадеялся, что его разбудили вовсе не их голоса. Могло показаться, что такой громила как Винни должен есть на завтрак, как минимум, десяток яиц. Сырых. Но на самом деле, тот ограничивался крепким сладким чаем и парой блинчиков. Которые действительно оказались превосходны.

— Что с тобой стряслось, Винсент? —

спросила Марисса. — Похоже, ты вчера пришел издалека.

— Ну... я сбежал из психушки. В которой вообще-то оказался, потому что уверил всех, что я псих.

— Ты позвонил Фредерику?

— Да. Мы уйдем, как только я переоденусь.

— Да можете не торопиться. У меня есть чай и печенье.

Старые добрые Винни и Марисса. Винсент помнил их дочку Пэм еще маленькой, ей тогда было лет пять, не больше. Она болтала без умолку, но из-за не хватающих зубов ее слова с трудом разбирались.

Винсент познакомился с Винни тем летом, когда близнецы вернулись из школы и готовились уехать в колледж. Это было крайне странное лето, основную часть которого Винсент провел где угодно, только не дома. В то время он обзавелся массой полезных знакомств на улице — и неприятностей, конечно, тоже.

Впрочем, однажды в куда большие неприятности попал сам Винни. В детали Винсент не вникал, но знал, что Винни оказался должен крупную сумму денег, которую стоило вернуть как можно быстрее.

Тем летом Фредерик большую часть времени проводил с отцом — Леонард Уэйнфилд всюду

таскал одного из наследников и, как он полагал, приучал к работе в издательстве и к светской жизни. Сам же Фредерик просто старался извлечь из всего максимум выгоды и был куда более наблюдательным, чем предполагал Леонард. Винсент это знал — в итоге, именно Фредерик предложил, каким образом они могут снять нужную сумму денег со счетов отца, которые тогда еще им не принадлежали.

Винсент не считал это большим одолжением — тем летом он все равно больше времени проводил у Винни и Мариссы, нежели дома. Но Винни тогда серьезно сказал, что Винсент может обращаться к нему за чем угодно. Звучало это зловеще — и таковым оно было на самом деле.

Впрочем, повода не было. Из колледжа близнецы спешно вернулись три года спустя, когда им пришлось принимать дела после смерти родителей. И пытаться наладить издательство — что у них вышло весьма успешно.

Периодически Винсент встречался с Винни, но за помощью пришел к нему только недавно, когда потребовалось отыскать Анну. И Винни, как и всегда, конечно же, располагал нужной информацией. И напомнил, где до сих пор на улицах можно быстро купить оружие. Которое весьма пригодилось.

Но когда Винсент брел по пустынной дороге,

дрожа от холода под дождем, он сразу подумал о Винни. И не только потому что тот жил на окраине города с этой стороны Лондона. Сначала Винсент мечтал о теплой комнате и горячем чае, но к тому моменту, когда добрался до Винни, то вообще с трудом соображал и боялся, что не найдет нужный дом.

Когда в дверь постучали, Винни как раз допивал свой чай.

— Я открою. Подожди в гостиной.

Он вышел из кухни, а следом за ним последовал и Винсент, прошептав Мариссе:

— Пожелай мне удачи.

— Удачи.

Он вышел в гостиную, потирая уставшие от света глаза и надеясь, что гости захватили его очки — иначе далеко он отсюда не уйдет.

Первой в гостиную ворвалась Анабель. Она на миг застыла на пороге, но сразу увидела Винсента и, взвизгнув, кинулась к нему на шею. Винсент рассмеялся и подхватил сестру, так что ее ноги на пару мгновений оказались оторваны от пола.

Следом вошли Фэй и Фредерик, которые тоже с радостью обняли Винсента, и Офелия, протянувшая ему темные очки.

— Рад, что ты в порядке, — Фредерик, казалось, сиял, — но зачем было сбегать? Поехали домой, там все расскажешь.

В этот момент Винсент почувствовал себя настолько ужасно, насколько только можно.

— Нет, — вздохнул он, — сначала я вам все расскажу.

Правда, сразу все равно не вышло — Марисса начала суесться с чаем, а Винсент успел проскользнуть наверх и переодеться в собственные темные джинсы и рубашку, а заодно попробовать привести в порядок мысли. Он отказался от чая и, спрятавшись за стеклами темных очков, устроился в том же кресле, где сидел накануне под теплым пледом.

— Похоже, ничего хорошего ты не расскажешь, — нахмурился Фредерик.

— Ну... все было не настолько плохо.

— В смысле?

— Ну... мне пришлось немного притвориться психом.

В комнате воцарилась тишина, и Винсент подумал, что произнесенное вслух, это звучит еще хуже, чем казалось.

— Ты — притворялся? — растерянно сказала Анабель. — Но тебе снились кошмары.

— Плохих снов мало, чтобы тебя упрятали в психушку, а мне нужен был вариант наверняка.

Тишина вернулась такой же оглушительной, как была всего мгновение назад, и Винсент пожалел, что не взял чашку с чаем, которую можно

крутить в руках и не смотреть по сторонам.

Ни слова не говоря, Анабель встала и вышла прочь из комнаты. На лице Фэй отразилась растерянность, Офелия, похоже, совсем не удивилась, а на непроницаемом лице Фредерика невозможно было прочитать эмоции. Но его голос мог поспорить по холодности с айсбергом:

— Рассказывай.

— Действительно, кошмары были кошмарами, но они... становились хуже. Я помню, чем это закончилось в прошлый раз — глюками на Хэллоуин, когда я не мог проснуться. И я решил... обратиться к истории.

— Лиллиан, — сказал Фредерик.

— Кто это? — удивилась Фэй.

— Родственница, — Фредерик как будто ронял не слова, а глыбы льда.

— Которая большую часть жизни провела в психушке. Отличная наследственность, — проворчал Винсент. — Ей тоже снились кошмары. По началу.

Он помолчал, но остальные не торопились говорить, и Винсент продолжил:

— Выяснить, в какой клинике она содержалась, оказалось не проблемой. Но вот давать там информацию мне отказались. Этот доктор Стивенсон, который заправляет Хартвуд Хиллом — он уперся и все твердил о

конфиденциальности. Он вообще мутный тип. Пригрозил, что, если я буду настаивать, он уничтожит файлы — и уничтожил бы. Я хотел взглянуть, что такого в деле Лиллиан Уэйнфилд. Чем все закончилось. Какой диагноз ей поставили...

— И какой? — спросила Офелия.

— Там много странного. Все ее симптомы подробно описаны, все лечение, на протяжении многих лет. Но никакого диагноза.

— Так ты все затеял ради куска бумаги? — спросил Фредерик.

— Мне не очень-то хотелось сходить с ума, — огрызнулся Винсент.

Офелия, не торопясь, поднялась и оправила юбку платья, как будто это действительно требовалось.

— Мы с Фэй подождем вас снаружи, — сказала она и кивнула сестре.

Когда близнецы остались наедине, Винсенту начало казаться, что большие напольные часы тикают уж слишком оглушительно. Ему хотелось рассказать о каждом из кошмаров, которые становились все реалистичнее, о том, как постепенно переставало действовать снотворное. О том, что он затеял все, только чтобы узнать, вылечилась ли Лиллиан, не становится ли он таким же безумным — и есть ли волшебная таблетка,

убивающая демонов. Даже если потом придется остаться в клинике.

Такое бывало и до того Хэллоуина в Доме, когда он блуждал в собственных чертовски реалистичных иллюзиях и болтал с духами. В тот день они все их видели — но у Винсента подобное бывало и раньше. И окончилось длинными шрамами на руках, которые теперь покрывали татуированные змеи. И он хотел отыскать другой способ успокоить демонов — не выпуская кровь из вен.

Винсент провел пальцем одной руки по шраму на другой.

— Ты помнишь тот день?

— Да...

— В тот момент я мало что соображал, мне просто хотелось избавиться от призраков. И если бы ты не вернулся чуть раньше, я был бы мертв. И я обещал тебе, что подобное не повторится.

— Ты боялся не выполнить обещание?

— Я боялся снова причинить тебе боль.

— Думаешь, смотреть на тебя в психушке было легче?

Тик-так, медленно и размеренно двигались стрелки часов, отмеряя секунды в непривычно светлой гостиной, где даже летающие пылинки были видны в свете солнца.

— Ты мог попросить о помощи, — тихо

сказал Фредерик. — Не обязательно было изображать психа.

— Я не хотел втягивать вас.

— Ты знаешь, больше всего сейчас я хочу тебя ударить?

— Знаю. Прости.

— Ты талантливый актер.

— Лекарства доктора весьма помогали.

Винсент хотел рассказать, что именно это и сподвигло его убираться из Хартвуд Хилла как можно скорее. Весьма странное «лечение», как будто призванное оставить его там подольше. Но решил, что сейчас не лучший момент.

— Я решаю проблемы, как могу, — спокойно сказал Винсент. — Ты привык быть рассудительным и оценивающим — но не ты обычно подставляешься. И не ты спускаешь курок.

— А ты не захотел подумать, каково будет нам? На этот раз, ты перегнул, Винсент. Твое нежелание рассуждать логически может дорого обойтись.

— Это были не только кошмары. Я испугался.

— Мы тоже.

Одним движением Фредерик поднялся с кресла. В этот момент он был необычайно похож на Анабель, которая не так давно просто молча ушла прочь. Но он тоже всем видом показывал, что больше не хочет разговаривать с братом. Не сейчас.

— Тебе снится сон с пустым то ли домом, то ли отелем?

Фредерик остановился в дверях и обернулся.

— Да.

— И ты ищешь что-то?

— Да. Но не нахожу.

— Возможно, боишься найти? — Винсент помолчал. — В моих снах я вижу, что именно ищу в этом месте. И в итоге, нахожу.

— Вряд ли оно стоило того.

Когда Фредерик ушел, Винсент еще долго сидел в кресле, пока, наконец, рядом не появился молчаливый Винни. Только тогда Винсент тряхнул головой, как будто просыпаясь, и торопливо поднялся. Он распрощался с Винни и Мариссой, и та на прощание сказала:

— Заходи к нам почаще. Скоро вернется Пэм, она будет рада с тобой увидеться.

— Спасибо. Но ни моим друзьям, ни моим близким я обычно не приношу ничего хорошего.

Винсент был готов поспорить, что его вещи, принесенные к Винни, собирала сама Офелия — потому что она уложила их в аккуратный рюкзачок. И Винсент был ей благодарен. Подхватив его, он вышел из дома Винни, но к своему удивлению увидел напротив знакомую машину. Усевшись на пассажирское сиденье, он тихо сказал:

— Спасибо.

— При одном условии, — Фэй посмотрела на него в упор. — Ты не будешь мне врать.

— Не буду.

— И расскажешь все.

— Хорошо.

— Поедем домой?

— Нет. Вряд ли Фредерик сейчас захочет меня видеть.

— Тогда куда?

— В единственное возможное и подходящее место — в Дом.

3

Фэй хорошо помнила дорогу до загородного особняка Уэйнфилдов, но полагала, это последнее место, куда стоит отправляться. Она сама знала, как минимум, о двух трупах, окончивших жизнь под той крышей, и кто знает, скольких еще призраков впитали местные стены.

После смерти Анны и выдвинутых в адрес Кристины обвинений, Анабель горячо предлагала продать Дом — или, как минимум, сравнять его с землей. Но Винсент вознамерился сделать ремонт и превратить во вполне жилое место. Фредерик был настроен скептически, но в итоге, махнул рукой. Дом принадлежал близнецам, и Анабель пришлось смириться.